

Доверженные

ЭХО РАВИЛОНА

МАРИНА СУРЖЕВСКАЯ

фэнтези

МИО

*Чтобы увидеть самые яркие звезды,
надо дождаться темноты*

Развалины

Оказалось, что молчание может быть очень разным.

Молчание с другом вьется рядом пушистым котом с шелковой шерстью и бархатными ушами. Трется о ноги, ластится к рукам. Такое молчание согревает даже в холодный день.

Молчание с недругом тащится по следу диким зверем, выжидая повода напасть и вцепиться желтыми клыками в горло.

Наше молчание, разделенное среди черных песков Равилона на троих, точно не было добрым и пушистым. И увы, именно я оказалась причиной, по которой два моих спутника смотрели исподлобья, не спеша прервать тягостную тишину.

Впрочем, его высочество Юстис, вернее, его Дух не издавал звуков из-за того, что не имел тела: его окровавленная плоть осталась в столице нашей Империи, в разрушенном дворце. Наверное, Юстис и хотел бы высказать все, что думает, но мог только шагать рядом, поглядывая в нашу сторону. И судя по тому, что взгляды эти были недобрыми, мне, пожалуй, стоит радоваться отсутствию у Духа голоса.

С Джемой дела обстояли иначе. Язык у моей заклЯтой подруги, конечно, имелся, причем довольно острый, но уже несколько часов она предпочитала им не пользоваться.

— У нас нет воды, лучше побережем дыхание, — буркнула Ржаник, когда мы решили двинуться в сторону аванпостов.

Я кивнула, соглашаясь, и вот уже несколько часов наша троица тащилась по барханам в оглушающем молчании. Конечно, в словах Джемы был смысл, дыхание и правда стоило поберечь, однако... Однако тишина, повисшая между нами, вовсе не была дружелюбной. Ржаник хмурилась, ее переносицу пересекала непроходящая линия, говорящая о глубоких и трудных раздумьях. Порой девушка поворачивала голову и косилась на меня, а я снова задавалась вопросом: что помнит Джема и что успела понять? Осознала ли она, что больше не миротворец? Что ее лишили Духа? И сделала это моя мать. А самое главное, что ее Дух теперь в некотором смысле... мой?

Если осознала, то почему молчит? А если нет, то что сделает, когда все поймет?

Вопросов было слишком много, и все они безмолвно висели в воздухе, добавляя тяжести и без того нелегкой атмосфере.

Впрочем, и без этих размышлений нам было чем озадачиться.

Рассветные часы мы потратили на то, чтобы обыскать развалины дворца. С риском для жизни, потому что остатки стен и потолка так и норовили обвалиться и покончить с незваными гостями, шарящими внутри. За грудой мебели нашлись сапоги, которые забрала Джема. Обувь оказалась мужской, девушке пришлось набить носы шелковыми платками. На остатке стены гордо висели два скрещенных кинжала и узкий меч со старинной бронзовой ручкой. Ржаник

потрогала лезвие и выразительно скривилась: клинки служили скорее украшением, чем боевым оружием. Но выбирать не приходилось. Конечно, я бы предпочла огнестрелы, но и такие находки нас изрядно подбодрили. А вот с провизией улов оказался неутешительным: немного сухих галет и ни капли воды.

— Жаль, что сюда не закинуло дворцовые кладовые, — вздохнула Джема и пнула книжный шкаф. Тот угрожающе закачался, сверху посыпалась труха.

Переглянувшись, мы бросились вон из комнаты и решили больше не испытывать судьбу.

— Бесполезно, — резюмировала Ржаник. — Здесь мы не найдем ничего нужного. Надо уходить.

Мы глянули на возвышающийся впереди черный бархан. Груда песка при ближайшем рассмотрении оказалась засыпанным зданием, а что скрывалось за ним, еще предстояло выяснить. Впрочем, понятно. Равилон. Проклятый город. Мертвый город. И самая большая яма скверны в Империи. Одно название этого места внушало суеверный ужас. Мы впитывали этот страх с молоком матери и детскими сказками о падении проклятой столицы.

Равилон — олицетворение всех кошмаров, ведь он губит главное, что есть в человеке, — его Дух. Скверна разрывает линии силы, превращает человека в деструкта. А это процесс необратимый. Это приговор.

Для всех, кроме Совершенных.

Я прикусила губу, потому что перед глазами как наяву встал ночной кровавый ритуал: чаша, до краев наполненная алым, мои прикованные руки, Джема напротив... Железные лепестки-убийцы и рука в черном мундире инквизитора. Протуберанцы скверны, расцветающие на красном...

Удалось ли Аманде задуманное? Стала ли я Совершенной?

Или нас вышвырнуло в Вавилон раньше?

Я попыталась прислушаться к себе, изучая изменения. Чувствовала я себя довольно сносно. Хотелось есть и пить, но пока терпимо.

Поймав взгляд Ржаник, я тряхнула волосами и бодро улыбнулась.

— Может, в развалинах удастся найти воду? — отвела я внимание от опасных размышлений, которые явно читались в глазах рыжей.

Юстис пренебрежительно фыркнул, как бы говоря: даже если здесь когда-то и имелась вода, за десятилетия от нее не осталось ни капли!

— Мы не можем этого знать! — возразила Джема.

Его высочество фыркнул еще презрительнее и, повернувшись к нам спиной, двинулся в сторону бархана.

— Он прав. — Джема проводила взглядом худую серую фигуру. — Город слишком давно засыпало песком. Надо идти к аванпосту, другого выхода нет. Может, повезет, и мы наткнемся на оазис. Я слышала, они здесь есть.

Мы переглянулись, не став говорить о том, что еще есть в черных песках. Что или кто. Но, может, удача и правда улыбнется и мы доберемся до укреплений, не столкнувшись ни с чем пугающим?

— Так... надо понять, в какую сторону двигаться...

Я закинула голову, рассматривая небеса. Утреннее солнце уже выбелило их синь, скрыв звезды. И все же, моргнув, я сумела различить бледные точки. Мысленно провела несколько линий, соединила и махнула рукой:

— Нам туда.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Ржаник, и я осеклась.

— Интуиция! Она меня никогда не подводит, знаешь ли.

Джема хмыкнула, рассмотрела тени, быстро вывела на песке несколько формул, посчитала... И медленно вернула ко мне голову.

— И правда туда. Надо же...

— Говорю же — интуиция.

Я снова улыбнулась, спрятав тревогу. Интуиция, святой Пантелей! Или невероятное зрение и знания, когда-то благополучно прослушанные на уроке, а сейчас поразительным образом всплывшие в памяти.

Или что-то еще, то, чему я пока не могла дать названия.

— Ладно, идем, — вздохнула Джема. На верхушке бархана вспыхнули и рассыпались оранжевые искры — верный признак скверны. Ржаник против воли вздрогнула и побледнела. — Мы ведь все равно уже здесь. Так что...

Расправив плечи, Джема закинула на плечо узел из занавески, в который мы сложили найденное добро, и решительно направилась в сторону бархана. Я против воли восхитилась: все-таки моя бывшая подруга не робкого десятка. Не каждый с таким мужеством двинется навстречу скверне, разорванным линиям, безумию и смерти! Все-таки Джема — хороший миротворец.

Или была им...

Я вновь потрясла головой, пытаясь выбросить оттуда мысли. Сейчас главное — добраться до имперских застав, найти людей, а остальное... потом. Может, мы совсем рядом с границей? Может, нам повезет и уже к ночи мы окажемся в безопасности?

Спустя несколько часов мой энтузиазм заметно поугас. В молчании мы тащились сквозь развалины и барханы, которым не видно было конца. Горизонт закрывали то вздымающиеся каменные здания, то песчаные валуны. Некогда Равилон был не только южным центром

Империи, но и самым большим ее городом, практически государством в государстве. Даже современный Неварбург так и не приблизился к размерам проклятой столицы. И мы, похоже, угодили вовсе не на окраину, а в самую ее сердцевину!

Стоило обойти ближайший бархан, и взор уперся в каменные стены, источенные песком и ветром. Древние здания торчали из песка, словно сломанные кости из открытых ран. Накренившиеся стены были готовы обвалиться, не выдержав груз времени. Мы шагали, стараясь не приближаться к опасным постройкам, и вздрагивали, когда сверху срывались ручейки черного песка или вспыхивали оранжевые искры. Они пугали особенно, слишком явно напоминая о том, где мы. Искр мы инстинктивно избегали, каждый раз сворачивая в сторону при их появлении. Мертвый город напоминал засыпанный песком лабиринт, пугающе тихий. Шорох наших с Джемой шагов казался слишком громким. В черном песке не было видно никакого движения, каменные стены с обвалившимися крышами возвышались могильными памятниками. Мы старались не думать о том, сколько мертвецов скрывает черный песок. Мы шли по кладбищу — самому большому из возможных. Опиум спрятался в гнезде из платка, который я повязала на пояс, и не высовывался. Похоже, моему крысу не нравилось это место. И даже Юстис, присоединившийся к нам, выглядел слегка испуганным.

К обеду солнце добела раскалило небо, и на открытых участках идти стало невозможно: жар обжигал кожу, жадно слизывая с нее испарину. Я сосредоточилась, понижая температуру своего тела, как нас учили в Аннонквирхе. Вмиг стало легче, жажда отступила. О том, что любые изменения требуют ресурса — воды и еды, — я пока старалась не думать.

А вот Джема выглядела неважно: ее лицо покраснело, по вискам текли капли пота.

— Мне почему-то не удастся снизить температуру, — заметила девушка мой взгляд. — Проклятая яма скверны, вероятно, блокирует действие браслета...

— Переждем жару в тени здания. Лучше двигаться вечером и ночью, чем сгореть. Без воды на таком пекле мы долго не протянем, — показала я на стену огромной круглой башни. Строеение слегка покосилось, но выглядело довольно надежным.

— Непохоже, что тебе жарко, — уронила Ржаник. — Ты даже не вспотела. Твоя нейропанель работает?

— У меня золотая, если помнишь, — со всей возможной небрежностью произнесла я.

— Помню, как забыть, — согласилась Джема. — Значит, твой браслет действует?

— С перебоями, — соврала я.

— Это хорошо, Вэйлинг, — серьезно ответила Джема. — Тогда у тебя есть шанс добраться.

— Шанс есть у нас обеих! — Я сердито пнула кучку черного песка.

Ржаник пожала плечами и пошла к стене, у которой медленно таяла в лучах зенита скудная тень.

Недовольный Юстис преградил ей путь и попытался толкнуть, гневно указывая на дорогу.

— Отойдите, ваше высочество, — невежливо буркнула я. — Это у вас нет тела, и оно не страдает от жары и жажды! А нам с Джемой надо отдохнуть.

Юстис яростно втянул воздух, его глаза побелели. Топнув ногой, принц снова махнул рукой на горизонт, призывая отправиться в путь. Но здесь, в проклятом городе, его требования вызывали лишь усмешку. А видя, что мы не реагируем, принц внезапно завертелся юлой

и на черном песке возникла надпись: «Я приказываю! Немед...»

— Так отправляйтесь. — Я устроилась в остатках тени, привалившись к стене. — Мы вас не держим.

Серая фигура затряслась, сжимая кулаки. Лицо Юстиса исказилось от злости. Он снова топнул ногой и открыл рот, словно собирался заорать. Но, конечно, не издал ни звука. Судя по бешеным взглядам — принцу очень хотелось нас прибить. Но к нашему счастью, сделать этого он не мог. Еще раз бессильно и беззвучно распахнув рот, принц выпрямился и, злобно глядя на нас, очень четко и понятно произнес несколько слов. Однозначно нецензурных. А потом развернулся и скрылся за камнями.

— Он вернется, — несколько ошарашенно глядя вслед обругавшему нас высочеству, сказала Джема, и я кивнула.

Если бы Юстис мог уйти без нас, он бы это сделал. Но, очевидно, разорванный с плотью Дух опасался оставаться один. Хотя чего ему бояться? Он ведь уже и так... умер.

...Взмах черной глефы, сотканной из души разрушителя... блик прокатившегося по стали света и брызги крови...

Снова черное и алое, ставшее единым...

Август.

Имя отозвалось внутри эхом — тоже темным.

И миг стало холодно.

Я поежилась, обхватив себя руками. Серебряное кольцо словно кольнуло палец.

Белое солнце медленно катилось по небу, все сильнее раскаляя песок. Даже в тени здания становилось все жарче, да и сама тень стремительно таяла. Джема свернулась на оставшейся узкой полоске, я присела рядом. Юстис

вернулся довольно скоро и застыл возле нас, глядя со злобным укором.

Переждав полдень, мы снова выдвинулись в путь. Развалины погибшего Вавилона впечатляли. Даже сейчас, спустя десятилетия, столица поражала своими масштабами. Осторожно двигаясь по засыпанным песком улицам, мы не могли не восхищаться величием полуразрушенных зданий. Вернее, тем, что от них осталось. Потому что некоторые строения выглядели чудовищно: черные закопченные стены, оплавленный камень, стены, словно смятые рукой невидимого великана. И все же, присмотревшись, мы замечали красоту этих зданий. Барельефы и мозаику, некогда белоснежные колонны и фрески, монументальные лестницы и мосты, ныне перекинутые через высохшие русла реки Рирхат, делившей город на западную и восточную части. Когда-то этот город процветал и жил, притягивая к своим стенам тысячи людей со всей Империи. Университеты, музеи, научные центры, виллы и сады, фонтаны и разветвленная сеть удивительных каналов, снабжающих город водой и берущих свое начало у Инроинского моря. Изящные иглы жилых башен соседствовали с величественными и монументальными строениями дворцов, огромных библиотек, музеев и храмов. Город просвещения, центр экономической, торговой и культурной жизни Империи. Родиться вавилонцем считалось величайшим даром.

А сейчас...

Мы молчали, глядя на остатки былого величия. И ужасались силе, которая сокрушила Вавилон. Кем надо быть, чтобы сотворить подобное? Какой невиданной мощью надо обладать?

Здания, выдернутые из земли и поставленные с ног на голову. Расплавленные, разбитые, покоренные.

Исполинские мраморные монументы, буквально расплющенные чудовищным ударом. Десятиметровые бронзовые статуи, разорванные на куски. Из черного песка и сейчас торчали то бронзовые руки, то головы бронзовых героев, когда-то украшавших город, а сейчас лишь беспомощно наблюдающих за его падением. На одной из площадей таких голов было с десятков, чья-то злая воля сложила их в линию. Павшие воины провожали нас взглядами пустых глазниц, пока мы проходили мимо.

Масштаб разрушений оказался таким же пугающим, как и сила, сотворившая его. Казалось, в прекрасном Равилоне порезвился безумный великан, разломавший город как песочное печенье. Не верилось, что все это мог сотворить один человек. Эзра Кросман. Разрушитель.

Я сглотнула сухим горлом. О Равилоне стараются не вспоминать. И сейчас я понимала почему. История Равилона — это позор Империи, кровавое пятно на его репутации.

Теперь эта история может повториться уже на севере, в Неварбурге. Что, если Август сотворит то же самое? Превратит северную столицу в руины, в жуткое воспоминание? Уничтожит тысячи тысяч людей, оставив лишь боль и пепел? А он сам? Что с ним?..

Я потеряла глаза, запрещая себе думать об этом, потому что каждая мысль терзала душу и отбирала силы. Надо найти имперскую заставу и верить в лучшее!

Несколько раз мы пытались заглядывать внутрь зданий в надежде отыскать что-то полезное, но быстро поняли, что это пустая затея. Там, как и снаружи, властвовал черный песок, до самого потолка заваливший строения.

А к вечеру мы поняли, что в развалинах стоит опасаться не только жары и песка.

— Стой. — Джема запнулась и уставилась на что-то под ногами. Я тоже различила явственный след от сапога. Ржаник подняла ногу и посмотрела на свою подошву. — Какого демона? Мы что, ходим кругами?

Я нахмурилась, всматриваясь в руины. Показалось или они меняются? Горячий воздух дрожал над камнями, меняя очертания стен и башен. Мертвый Равилон играл с непрошеными гостями, создавая иллюзии и путая нас.

Джема тоже поняла это и смачно выругалась. Я промолчала, хотя полностью разделяла ее эмоции. Но и это было не самое страшное. В угасающем свете солнца гряда камней неподалеку вдруг начала двигаться. Валуны со скрежетом наползали друг на друга, собираясь в огромное каменное чудовище. Качаясь и шелестя, оно поднималось из песков.

Это было нечто невообразимое, то, что не может жить и двигаться: слепленный из мертвых кусков голем. Его тело составляли обломки стен, мусор и песок, вся эта жуткая куча шевелилась и ползла, пытаясь встать на подобие ног из двух огромных глыб. Между странных и страшных частей голема сверкала и текла, словно оранжевая кровь, скверна, хорошо заметная в наступающей ночи.

— Что. Это. Такое? — выдохнула с ужасом Джема и смахнула со лба испарину.

Каменное существо дернулось в нашу сторону. Глыба наверху — подобие головы — повернулась, и монстр ужасающе быстро шагнул к нам. Черный песок зашелестел, осыпаясь.

— Не шевелись, — одними губами выдохнула я.

Мы застыли как статуи. Голем мелко дергал головой, словно пытаясь определить источник потревожившего

его звука. На нас лавиной низвергались песок и мусор, осыпающиеся с каменюки. Несколько крупных камушков ударили по моим плечам — довольно болезненно. Я сжала зубы, чтобы не выдать нас. Острый осколок угодил в Джему, и рыжая прикусила губу. Голем, возвышавшийся над нами, словно огромная башня, с отвратительным скрежетом медленно двигал камнями.

Бом! Бом!

Чудовище высотой с дом неторопливо двинулось дальше. Две хрупкие женские фигуры по сравнению с ним казались песчинками. Огромная глыба-нога поднялась и с грохотом впечаталась совсем рядом, наградив нас оплеухой песка. Бом!

По виску Джемы стекали капли пота, лицо покраснело. Инстинкт требовал бежать, нестись, прятаться! Потому что стоит голему опустить ногу чуть дальше — и от нас с Джемой останутся лишь мокрые пятна!

Из-за мелкого бархана выпрыгнуло еще одно существо — в дрожании воздуха мы различили угловатые формы вытянутого тела. Больше всего тварь напоминала саранчу, если бы та вымахала размером с крупную собаку. И медленный, неповоротливый голем сделал резкий и быстрый шаг! Бом!

Саранча-переросток исчезла под каменной глыбой. Вспыхнули и разлетелись оранжевые искры в месте удара, а потом впитались в голема. Он на миг застыл, затем пошел дальше, в сторону колеблющихся барханов.

Когда жуткое «бом» стихло, мы повалились на песок. Даже говорить не было сил, проклятый город оказался страшнее, чем мы думали. Скверна, десятилетиями правившая здесь бал, создала из Равилона аномальную зону, оживляя то, что давно умерло, и меняя то, что еще жило. Какие сюрпризы он преподнесет нам завтра?

— Надо переждать ночь в укрытии, — проговорила я. — Двигаться во тьме слишком опасно. Попробуем отдохнуть у тех развалин.

— Надеюсь, они не окажутся еще одним монстром, — вздохнула Джема, но пошла за мной. Мы привалились к остаткам стены, ощущая ноющий внутри голод и жажду. На зубах скрипел песок, царапал горло.

Ночь наступила внезапно. Миг — и солнце погасло, унося жару. Но радоваться этому пришлось недолго: пекло сменил холод. Перепад температур оказался столь разительным, что уже через час мы с Джемой стучали зубами и кутались в дворцовые покрывала, радуясь, что забрали их. Спать решили по очереди, дежурить первой выпало мне. Уставшая Ржаник мгновенно провалилась в сон, рядом устроился Опиум. Я бдительно таранилась в освещенную звездами тьму, пытаюсь придумать, как выбраться из ловушки, в которую мы угодили. Но пока ничего дельного на ум не приходило.

Обернувшись на спящую Джему, я сосредоточилась, пытаюсь дотянуться до Августа. Я делала это снова и снова, но ощущала лишь пустоту. Неужели Аманда сказала правду и Август погиб? Или дело в Вавилоне, который давно стал синонимом проклятия? Или я теперь слишком иная? Мы оба...

Ответов не было.

Мне оставалось лишь смотреть на звезды, надеясь на лучшее.